Каждый из нас немножечко даун

Известия - 2005 - 25 марта - с. 14.

В Вене в рамках открывшегося только что престижнейшего фестиваля Wienerfestwochen состоялась премьера выдающегося театрального режиссера-деконструктора Кристофа Марталера «Защита от будущего». Одним из копродюсеров этого спектакля стал наш Чеховский фестиваль.

МАРИНА ДАВЫДОВА ВЕНА

«Как директор фестиваля, я, конечно, радовался, но как режиссер — просто изощлен завистью», — сказал в приватной беседе после премьеры Люк Бонди. Такое признание из уст такого режиссера что-то да значит. Марталер, безусловно, поставил один из лучших своих спектаклей, хотя скроен он — могло ли быть иначе? — по тем же, что и прежде, лекалам. С этим спектаклем произошла странная на самом деле штука. Выбранная тема не продиктовала режиссеру новые театральные ходы, а сама по себе наполнила эти ходы новым смыслом и новым, если угодно, пафосом. Прежде объектом шемшей иронии знаменитого швейцарца становились объекты, иронии в общем-то заслуживающие: горе-революционеры («Смерть Дантона»), служащие потерпевшей фиаско компании Swiss Air («Groundings»), буржуа, клерки, сподардессы, все социальные типы и институты, над которыми грешно не посмеяться умному человеку. В основу «Защиты от будущего» положена история трагическая и жуткая.

Действие спектакля происходит в одном из корпусов знаменитого в Вене госпиталя Отто Вагнера, а попросту говоря, в психушке, печально известной тем, что в годы нацизма здесь ставили эксперименты на людях — детях, женщинах, стариках. Создатели спектакля прозрачно намекают: и после падения нацизма тоже ставили. Литературная основа «Защиты» — архивные

документы, не без труда (в открытых обществах все еще есть закрытые темы) извлеченные на свет соратницей Марталера Штефани Карп. Из этих документов, а также из современных хроник, новостей, отчетов о растущих доходах компании «Телеком» и прочего информационного мусора Карп изготовила фирменный марталеровский коллаж. Такой концерт по заявкам, где речь о росте качества жизни перемежается сбором средств в пользу жертв цунами, а Ave Maria — эстрадной песенкой, заявленной, впрочем, как месса.

В актовом зале установлены длинные ряды больничных столов с неубранными остатками скудного завтрака. Зрители, стараясь не замараться, садятся за эти столы. Перед столами трибуна. Рядом рояль, вокруг которого струдились обитатели заведения. Время от времени они докладывают нам, как правильно устроить жизнь. Евгеника... Селекция эмбрионов... Если вам 60, надо жить полноценной жизнью или умирать... По ходу речей кто-то из обитателей меланхолично развешивает на лампах липучки для мух. Кто-то пытается обслужить посетителей столовой. Над героями этой истории смеяться — грех. Но разве Марталер может не смеяться? Взбесившийся рационализм, лежащий в основе нацистской идеологии (человек должен приносить пользу: до последней капли крови — если он ариец, до последней волосинки и косточки — если кто похуже), в его версии не так уж сложно срифмовать с рационализмом нынешнего

вегетарианского вроде бы времени с его культом здоровья, молодости и комфорта. Если задуматься, в основе ведь та же задача сделать все на свете — от функций мобильного телефона до функций человеческого организма — максимально эффективным. И там и тут тело, интеллект, двигательные функции человека на месте, а вот душа куда-то подевалась.

Во второй части столы из актового зала убраны. С той стороны, где раньше стояла трибуна, теперь сидят амфитеатром зрители. В пустом пространстве бродят все те же унылые фрики в кургузых пиджачках. Негламурные. Антирекламные. Те самые, которые только что бодро докладывали нам что-то с трибун. Вечные персонажи Марталера. Только теперь их бессвязные речи сменило молчание. Не минута — час молчания. Вечность молчания, прерываемая пением. В самом финале они выходят на сцену в масках даунов, и каждая из этих масок хранит в себе черты портретного сходства с артистом, который ее надел. Между ним и его жалким двойником — один шаг, даже меньше — один миллиметр. Кто-то выходит на авансцену, падает и бьется в падучей, другой в маске оттаскивает его назад, сам выходит на авансцену, сам падает. И вдруг ясно понимаешь, что и вечные марталеровские фрики, и сумасшедшие пациенты больницы, и жестокие врачи, и пафосные ораторы — это одни и те же лица. Губящие друг друга. Жалеющие друг друга. Отпевающие друг друга. А заодно и себя. А заодно и всех нас. У этих безжалостно истребляющих себя созданий душа все же есть. Не исключено, что она есть даже у того несимпатичного клоуна, что в финале сидит за роялем. Знать бы точно: кто он такой?

Маршалер Кристоф

25.05.05